

А. П. Беницкий

Стихотворения

Воспроизводится по изданию: Поэты 1790-1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. (Библиотека поэта; Большая серия).

Электронная публикация -- [РВЕ](#), 2007.

Биографическая справка

243. Песнь Вакху, взятая из афинских пиршеств

246. Летняя ночь

Биографическая справка

Литературное поприще Александра Петровича Беницкого (1780--1809) было кратким. Он родился в небогатой дворянской семье, воспитание получил в известном в Москве частном пансионе университетского профессора Шадена, в котором когда-то учился Карамзин, и вынес из него основательное знание иностранных языков. Оставив пансион, он вступил унтер-офицером в гусарский полк. В 1803 году, получив первый же офицерский чин, он вышел в отставку, а в декабре 1804 года определился на гражданскую службу в Комиссию составления законов, где сблизился с группой свободолобиво настроенных литераторов. В марте 1805 года появилось первое печатное произведение Беницкого -- стихотворение "Гробница друга". В это же время он сблизается с И. И. Мартыновым, в журнале которого "Северный вестник" делается постоянным сотрудником. Сближение его с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств приводит к принятию Беницкого сперва в корреспонденты (1806 год), а через год -- в действительные члены Общества. Показательно, что, имея уже значительное число опубликованных сочинений, для вступления в Общество Беницкий представил неопубликованный перевод трагедии Лессинга "Филотас", который никогда, видимо по цензурным обстоятельствам, в печати на русском языке не смог появиться. {Хранится в архиве Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (рукописное собрание Научной библиотеки Ленинградского университета).} Вся трагедия -- пламенный призыв к гражданственному служению, апология героической гибели, в частности героического самоубийства -- антитезы рабскому терпению. Тема эта была особенно острой в кругу литераторов, близких Радищеву и еще недавно отмечавших его гибель.

О том, что тема эта не была для Беницкого случайной, свидетельствует опубликованный им в "Цветнике" драматический отрывок "Грангул" -- прозаический монолог пленного ирокезца, готовящегося умереть в пытках на костре, но не склониться перед врагом. Произведение это, видимо, послужило источником для "Песни пленного ирокезца" Полежаева.

Можно полагать, что друзья, знавшие Беницкого не только по журнальным публикациям, но и по произведениям, не предназначенным для печати (о существовании таковых имеются свидетельства, однако в настоящее время они, видимо, безвозвратно утрачены), и по беседам в дружеском кругу, видели перед собой гораздо более радикального мыслителя, чем историки литературы, ограниченные тесным кругом прошедших через цензуру сочинений. Хорошо знавший Беницкого Батюшков, собираясь писать историю русской литературы, отводил ему место в одной статье рядом с Радищевым и Пниным.

Однако если политические эмоции Беницкого были пламенными и бунтарскими, его воззрения, оформленные в программу, видимо, не выходили за пределы той умеренно-прогрессивной системы убеждений, которая была характерна для ядра Вольного общества. Именно они определили редакционную позицию журнала "Цветник", который Беницкий стал издавать в содружестве с А. Измайловым в 1809 году.

Беницкий обладал способностью спланировать вокруг себя молодых, активных литераторов. "Цветник" в короткий срок стал настоящим центром молодой литературы: в нем принимали участие Милонов, Катенин, Гнедич, Никольский, Батюшков и др. Отдел критики журнала, полностью находившийся в ведении Беницкого, современники оценивали особенно высоко.

Литературные воззрения Беницкого сближали его с поэтами гражданского направления преддекабристской поры. Он пропагандировал Шиллера, {Возможно, что название издававшегося Беницким альманаха "Талия" подсказано аналогичным шиллеровским. О влиянии Шиллера на Беницкого см.: Н.-В. Harder, Schiller in Russland (1789--1814), Berlin--Zurich, 1969.} сочувственно относился к "новому слогу" Карамзина, но требовал дополнить его гражданственностью содержания; в рецензии на первый том собрания сочинений Радищева он весьма сдержанно оценил поэтическое мастерство автора "Бовы"; но недвусмысленно намекнул на сочувствие позиции Радищева-прозаика.